

Прочитал в газете «Юлдаш» от 24 августа 2016 года публикацию «В Акчееве помнят Ахметшу Мещерова». Там написано: «Давным-давно в Акчееве была старинная деревянная мечеть. Однако в советский период, когда, как известно, не щадили культовые учреждения, там был организован Дом культуры, или попросту сельский клуб». Дело в том, что эту деревянную мечеть в селе Акчеево (по-татарски Кюгеш) ныне Ельниковского района Мордовии построили мой прапрадед Мещеров Абдулхаир и его сын Мещеров Хуснетдин (отец моей бабушки Мещеровой Эмме Гульсум).

Абдулхаир Мещеров был известным и уважаемым человеком в селе. Он построил мечеть, водяную мельницу, каменный дом. Был деятельным и активным человеком. В селе у него был собственный магазин, в котором он торговал привезенными из Средней Азии сладостями, курагой, изюмом, орехами и прочими подобными продуктами. Абдулхаир был добрым человеком, любил детей. Сельские дети приходили к нему в магазин, где он часто бесплатно раздавал им сладости и конфеты. Он много путешествовал. Торговал в Пензе, Санкт-Петербурге и в Хельсингфорсе (ныне Хельсинки, Финляндия). Заработав таким образом деньги, он потратил значительную их часть на совершение хаджа в Мекку. На лошадях, верблюдах и пешком он дошел до Мекки и вернулся обратно в Акчеево, где и построил впоследствии мечеть.

Дом Абдулхаира был в то время единственным каменным зданием в селе. Первый этаж был кирпичным, а второй – деревянным.

Однажды в селе случился страшный пожар, и горели многие деревянные дома. Народ собрался вокруг этого каменного дома, и все вместе старались сбить пламя, не дать огню перекинуться на этот дом. Но огонь не пощадил деревянный второй этаж. Первый этаж уцелел, и имущество жителей села не пострадало. Дело в том, что в доме Абдулхаира, а затем Хуснетдина Мещерова, в его каменной части, многие сельчане хранили свои сундуки с самыми ценными вещами именно на случай пожара. Это был единственный каменный дом в деревне, поэтому, чтобы сберечь вещи, их там хранили всегда. И когда был пожар, акчеевцы собрались возле дома Мещерова, чтобы спасти его от пожара, в том числе – чтобы спасти свои вещи. После пожара был достроен второй каменный этаж.

В хозяйстве у Абдулхаира было восемь лошадей и приблизительно столько же коров. Он

владел земельными участками, которые обрабатывал вместе с сыновьями и старшими внуками. Как рассказывала моя бабушка, они вставали в три часа ночи и шли на дальние свои участки, обрабатывали землю. На лето нанимали работников для уборки урожая. Днем в самую жару они не работали. Вечерами, после того как работа заканчивалась, жители села, в основном женщины, собирались вместе и красиво хором пели.

Хуснетдин – не единственный сын Абдулхаира. У него были еще сыновья, имена которых я не знаю. Вероятно, кто-то из живущих сейчас в селе Мещеровых, – это их потомки. Но после смерти Абдулхаира его дело продолжил именно сын Хуснетдин Мещеров, 1874 года рождения, который организовал при мечети школу для детей села. Все дети получали бесплатное начальное образование. Занятия проводил местный мулла, который обучал детей арабской и русской письменности, а также изучали Коран. В этой школе училась и моя бабушка Мещерова Эмме Гульсум (1905-1990 гг.). У Хуснетдина было шестеро детей: два сына – Умяр и Усман и четыре дочери – Ханифя, Асьма, Эмме Гульсум и Зейнябь, которых ему подарила его жена Айша Идрис кызы. Девочки получили начальное образование – они учились четыре года, а мальчики продолжили образование: для них нанимали учителя. Умяр и Усман тоже потом стали учителями. Условия обучения в школе при мечети были строгими. В классе стояла бочка с водой, и в ней были прутья, которыми мулла время от времени шлепал по заднице непослушных и ленивых учеников (мальчиков). Время было хорошее, еще не началась Первая мировая война, и не свершилась Октябрьская революция. Селяне жили в достатке, много держали скота и птицы. Зерно привозили на помол на водяную мельницу. Был и такой примечательный факт. Однажды, совершив крупную сделку и заработав много денег, Хуснетдин купил тысячу живых гусей и пригнал это стадо в Кюгеш. Все жители деревни получили этих гусей. Мясо сельчане оставили себе, а из пуха сделали подушки, часть из которых вернули Хуснетдину для последующей продажи. По рассказам бабушки, их детство было счастливым и беззаботным. Вечерами пели татарские песни, танцевали. Подростки села, мальчишки, иногда развлекались и тем, что на лошадях ночью ездили в соседнее мордовское село Пошаты, где под покровом ночи тихо угоняли оставленные на улице телеги и загоняли их в реку Мокшу. Утром, когда хозяева начинали искать свои телеги и находили их стоящими колесами в воде, акчеевские подростки дружно хохотали, наблюдая за происходящим издали... Время шло своим чередом, все было хорошо, пока не наступил 1928 год. В стране началась коллективизация, и началась массовая компания по раскулачиванию

зажиточных крестьян. Это событие сломало судьбы многих сотен тысяч крестьян по всей стране, не обошло оно стороной и Акчеево. Прадеда моего Хуснетдина в селе уважали, и это спасло ему жизнь. Однажды вечером в дверь тихо постучали. В дом вошел сотрудник ОГПУ, житель села Акчеево. Он сказал: «Хуснетдин, пришла беда. Завтра я должен буду тебя и твоих сыновей арестовать. Бери все, что сможешь унести с собой, забирай жену и детей – и уезжай срочно». Делать было нечего. Пришлось уезжать. Однако ночью из дома тогда ушли только Хуснетдин и сыновья Усман и Умяр. Ушли пешком, с собой взяли только наличные деньги и немного золота. Женщины остались дома. На следующий день к ним пришли. Допытывались, где мужчины. Но они, уходя, специально не сказали, куда пойдут. Бабушкину маму Айшу забрали и продержали три дня. Пытались узнать о муже и сыновьях. К счастью, не били. Она говорила, что они уехали по делам, и не знает, когда вернутся. Позже, когда мужчины сняли квартиру в Ленинграде, они вызвали женщин туда.

Потом пришли новые «хозяева жизни» и просто разграбили дом. Старую мечеть превратили в местный клуб, а дом моего прадеда превратили в местное отделение почты. Также там располагались сельсовет, библиотека, медпункт, позже – начальная школа.

Семья моего прадеда перебралась в Ленинград. На первых порах они снимали квартиру на 2-й линии Васильевского острова. Сыновья Хуснетдина Умяр и Усман устроились на работу, трудились извозчиками. Возили по городу на лошадях строительные материалы и т.д.

Моя бабушка Эмме Гульсум вышла замуж за Садекова Махмута, уроженца деревни Суык Су ныне Нижегородской области и уехала жить к мужу в Москву. Там они жили на Большой Татарской улице. В Москве у нее родился сын (мой отец Анвер) и его сестра Наимя (моя тетя). Бабушка была глубоко верующим человеком, она ежедневно пять раз в день совершала намаз, соблюдала пост. У нее было много мусульманской литературы, изданной еще до Октябрьской революции. В нашей семье хранится бабушкин Коран, напечатанный более ста лет назад. Эта книга имеет следы огня: обгоревшие по краям страницы и немного обгоревшая обложка. Этот Коран из того самого пожара вытащила бабушкина мама Айша Идрис кызы. А еще – бабушка очень хорошо вязала спицами. Этому она научилась еще в юные годы в деревне. Уже живя в Москве, она получала из деревни от родственников овечью шерсть, сама пряла, потом вязала. Мы с сестрой

всегда были обеспечены на зиму теплыми шерстяными носками.

Бабушка в родном Акчееве ни разу не была после раскулачивания. Туда в 1949 году ездила ее дочь Наимя, которой было тогда 14 лет. Наимя поехала в Акчеево с кем-то из родственников и провела там все лето. Ей, наверное, больно было смотреть на родовой дом, который стал почтой. Из этой поездки в Акчеево она привезла татарскую частушку, смысл которой звучал так: при царе крестьянин корову имел, а при Советах и цыпленка не осталось.

Война сломала миллионы жизней наших людей. Бабушкины родители Хуснетдин и Айша, братья Усман и Умяр, сестры Ханифя, Асьма, Зейнабь умерли от голода и болезней – кто в эвакуации, кто в блокадном Ленинграде. Получая очередную похоронку из блокадного Ленинграда, бабушка тихо плакала на кухне, зажав свою голову между колен. Ее спасло то, что она уехала перед войной в Москву. Ее муж Махмут с первых дней был на фронте, а в 1944 году его не стало, и она осталась одна с двумя детьми. Во время войны она общалась с нашими родственниками Шехмаметьевыми, которые также

перед войной уехали из Ленинграда. Они жили в подмосковном Загорске (ныне Сергиев Посад). Шехмаметьевы были родом из деревни Лобановка, которая находится в двух-трех километрах от Акчеева на другой стороне реки Мокша, и также подверглись раскулачиванию. Среди них была яркая личность – Шехмаметьева Хадича, которая перед войной в Загорске возглавляла крупное военное предприятие. Перед самой войной по доносу «доброжелателя» Хадичу посадили в тюрьму. Она сидела во Владимирском центре почти два года, пока однажды за ней в тюрьму не приехали сотрудники НКВД. Ее освободили по просьбе заводской партийной организации и вернули в срочном порядке на рабочее место, где она сумела оперативно организовать выпуск минометов, так необходимых фронту.

Так как часть жизни Хадича провела в Ленинграде, она хорошо знала город. И однажды она воспользовалась своим служебным положением: организовала транспорт с хлебом в блокадный Ленинград. И поехала сама сопровождать этот груз. В Ленинграде она обошла все квартиры, где проживали наши родственники, искала живых. В одной из квартир она нашла своего племянника – полуторагодовалого Фарид, который сидел и плакал возле тела своей умершей от голода матери. Хадича забрала его, а также еще много других детей-сирот и вывезла их по льду Ладоги на большую землю. Все они оказались в подмосковном Загорске. Мальчик Фарид из-за голода в первые годы своей

жизни перестал расти и был очень маленького роста. Но при этом был совершенно уникальным человеком. Он великолепно пел, был участником знаменитого хора Локтева (сам ездил в Москву, прошел прослушивание, поступил и выступал с хором по радио и на концертных площадках), был очень умным и позитивным человеком. В детстве он прочитал о том, что в США был выделен гормон роста, и он сам написал туда письмо, где описал историю своей жизни и попросил прислать этот гормон ему, чтобы вырасти. Его письмо, как это ни удивительно, дошло до Америки, и вскоре Фарид получил долгожданную посылку. Лекарство ему помогло, и он вырос.

Многие бежавшие от коллективизации жители татарских сел нынешней Мордовии оказались в Ленинграде. Среди них был и двоюродный брат моей бабушки Мещеров Ибрагим. Он жил перед войной в Ленинграде. Когда началась война, он ушел на фронт. С фронта он писал письма своим близким, в том числе и моей бабушке, на татарском языке арабской вязью, т.к. этой письменности он научился в Акчееве у муллы. Ибрагиму не повезло. Раненым он попал в плен к немцам и оказался в концентрационном лагере в Польше, где работал, разгружая военные эшелоны немцев, которые уходили на Восточный фронт. Однажды Ибрагим вместе с группой товарищей совершил побег из лагеря, но польские крестьяне выдали их немцам, и Ибрагим снова оказался в лагере. Его избили и хотели расстрелять, но потом немецкий офицер передумал, видя физически крепкого парня, который был бы больше полезен на разгрузке вагонов. В вагонах, по рассказам Ибрагима, было продовольствие для немецких солдат. Наши советские военнопленные научились аккуратно открывать ящики с продовольствием, не ломая пломб и тайно понемногу ели. Немецкий часовой, охранявший этот вагон, получал от них один батон колбасы или пачку масла и закрывал глаза на происходящее. Но он предупредил их, чтобы в лагерь с собой продукты не брали, так как там будет обыск, и пленных встретят с собаками. А собаки быстро всё находят. Так было задержано и расстреляно около трехсот граждан Венгрии (это были в основном венгерские цыгане и евреи), которые набили карманы продуктами.

Собрав силы и сколотив группу из четырех товарищей, Ибрагим бежал из лагеря во второй раз. Они ночью в лагере вчетвером спустились в канализационный люк и в подземном коллекторе по пояс в грязной воде дошли до реки. Но здесь их постигла неудача. Выход закрывала тяжелая железная решетка, на преодоление которой они потратили много сил и времени. Решетку смог сломать Николай, который был родом из Рязани, и они вплавь преодолели реку. Один товарищ утонул. На берег вышли трое. Далее был переход через линию фронта. Состоялась встреча с нашими. Затем – госпиталь и фильтрационный лагерь НКВД, проверка и попадание в штрафной батальон. Ибрагим выжил и закончил войну в 1945 году. После войны он вернулся в Ленинград, женился, работал, занимал руководящие должности. Умер и похоронен в Ленинграде.

Многие годы спустя, мы узнали, что и наш прадед Мещеров Хуснетдин похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище Ленинграда. Он умер от голода в апреле 1942 года. Мы нашли его имя в списках захороненных на этом кладбище.

Мой отец Анвер (1931-2002 гг.) и моя тетя Наимя (1935 г.р.) родились в Москве. В Москве живут моя двоюродная сестра Ирина – дочь Наимя апа и ее семья. Здесь живу и я со своей семьей. Мы с рождения москвичи, но помним, где наша малая историческая родина, – это село Акчеево, в котором мы никогда не были. Но там родилась наша бабушка Мещерова Эмме Гульсум, и там жила ее семья. Бабушка, вспоминая о родном

селе, тепло и трогательно называла его – «Кюгеш».

И мы знаем, что там есть наш старый дом, который стал местной почтой, сельсоветом, библиотекой, медпунктом, начальной школой, а сейчас принадлежит собственнику, кстати, тоже по фамилии Мещеров. Хочется когда-нибудь приехать в Акчеево, пройти по улицам, где жили наши родные, постоять возле дома наших предков. И непременно – послушать родную татарскую речь, знакомую нам с детства. И конечно же, вспомнить нашу бабушку и ее подруг, которые жили в Москве и приходили всегда к нам в гости. Ее московские подруги также были родом из этих мест: из Акчеева, Лобановки и Иськадыша (Старого Кадышева). Их звали Лятюк, Шарёк

и Ханюк.

Историю нашей семьи я рассказал своему сыну Ансару. Ему 14 лет. Он учится и занимается спортом; чемпион Центрального федерального округа 2019 года, член сборной команды Москвы по таэквондо ИТФ. И когда на Чемпионате России или других федеральных турнирах он видит, как слабо в этом виде спорта выступает сборная Мордовии, он говорит мне: «Может, помочь надо землякам, выступить разок хотя бы за Мордовию, за Акчеево, за Мещеровых».

Рашид Садеков

Москва